

Провокация преступления в уголовном праве: исторический анализ и зарубежный опыт

Аннотация. В статье рассматривается институт провокации в уголовно-правовом аспекте. Отсутствие в уголовном праве комплексного единого понимания провокации преступления, отражающего ее ключевые характеристики и признаки, вызывает сложности в правоприменительной практике. Автор отмечает, что в целях формирования единого понимания данного правового явления необходимы ретроспективный анализ института провокации преступления в российском уголовном праве, исследование зарубежного законодательства некоторых европейских стран, Соединенных Штатов Америки, а также государств постсоветского пространства по вопросу криминализации провокационной деятельности. В статье приводится анализ международной практики Европейского Суда по правам человека по вопросу понимания провокации и ее допустимых пределов. Изучение решений международного судебного органа показало, что в основу понятия провокации судом положены процессуальный и содержательный критерии, отражающие специфику провокации. Однако правовая позиция Европейского Суда по правам человека, отождествляющая провокацию с «подстрекательством», положенная в основу нормативного регулирования оперативно-розыскной деятельности, подготовила почву для соотнесения провокации преступления с институтом соучастия в уголовном праве. Таким образом, исторический анализ института провокации преступления, изучение зарубежных нормативных правовых актов, устанавливающих уголовную ответственность за совершение провокации преступления, а также практики Европейского Суда по правам человека позволит детально и всесторонне рассмотреть исследуемое правовое явление для разработки и формирования единого уголовно-правового понятия провокации преступления. По результатам исследования автором предлагается определение провокации преступления.

Ключевые слова: юриспруденция; юридические науки; уголовное право; уголовная ответственность; преступление; правовой институт; провокация преступления; преступления против правосудия; подстрекательство; соучастие; практика Европейского Суда по правам человека; справедливое судебное разбирательство; оперативно-розыскная деятельность; оперативные мероприятия.

Для цитирования: Титова А. С. Провокация преступления в уголовном праве: исторический анализ и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 9. — С. 124–132. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.130.9.124-132.

Encouraging a Crime in Criminal Law: Historical Analysis and Foreign Experience

Anna S. Titova, Adjunct of the Department of Criminal Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Legal Adviser of the Legal Department of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Moscow Region
Nikitskiy per., d. 3, Moscow, Russia, 125009
astitova58@gmail.com

Abstract. The paper examines the institution of encouraging a crime in a criminal legal aspect. The absence in criminal law of a comprehensive unified understanding of the encouraging a crime, reflecting its key characteristics and features, causes difficulties in law enforcement practice. The author notes that in order to form a unified understanding of this legal phenomenon, a retrospective analysis of the institution of encouraging a crime in Russian criminal law, a study of the foreign legislation of some European countries, the United States of America, as well as the states of the post-Soviet space on the issue of criminalization of encouraging activities is necessary. The paper provides an analysis of the international practice of the European Court of Human Rights on the issue of understanding encouraging to commit a crime and its permissible limits. A study of the decisions of an international judicial body showed that the concept of encouraging a crime the way a court understands it is based on procedural and substantive criteria that reflect the specifics of encouraging a crime. However, the legal position of the European Court of Human Rights, which equates encouraging a crime with "incitement", which is the basis for the normative regulation of investigative activities, paved the way for correlating encouraging a crime with the institution of complicity in criminal law. Thus, a historical analysis of the institution of encouraging a crime, a study of foreign regulatory legal acts establishing criminal liability for encouraging a crime, as well as a study of the practice of the European Court of Human Rights will allow a detailed and comprehensive consideration of the investigated legal phenomenon for the development and formation of a single criminal law concept of encouraging crimes. Based on the research results, the author proposes a definition of encouraging a crime.

Keywords: jurisprudence; legal sciences; criminal law; criminal liability; crime; legal institution; encouraging a crime; crimes against justice; incitement; complicity; practice of the European Court of Human Rights; fair trial; investigative activity; operational activities.

Cite as: Titova AS. Provokatsiya prestupleniya v ugodnom prave: istoricheskiy analiz i zarubezhnyy opyt [Encouraging a Crime in Criminal Law: Historical Analysis and Foreign Experience]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2021;16(9):124-132. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.130.9.124-132. (In Russ., abstract in Eng.).

Уголовным кодексом Российской Федерации установлена ответственность за провокацию взятки, коммерческого подкупа, а также подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 304 УК РФ). Согласно диспозиции ст. 304 УК РФ, провокация указанных выше преступлений представляет собой попытку передачи должностному лицу, иностранному должностному лицу, должностному лицу публичной международной организации, лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, а также лицу, указанному в части первой ст. 200.5 УК РФ, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг

имущественного характера, предоставления иных имущественных прав с целью искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа.

Исследование правоприменительной практики наглядно показывает, что довольно часто происходят провокации и иных преступных деяний. Широко распространена провокация к совершению убийств, преступлениям в сфере нелегального оборота наркотиков и иных психотропных веществ, а также нелегального оборота оружия, в связи с чем весьма остро встает вопрос о квалификации провокационных действий лица. Отсутствие в уголовном законе интегративного понимания провокации преступления, отражающего различные ее содержательные

стороны, вызывает неоднозначное и неполноценное представление о рассматриваемом преступном деянии, что, безусловно, вызывает некоторые практические сложности при квалификации провокационных действий.

При изучении вопроса о природе провокации необходимо рассмотреть не только правовую сторону данного понятия. Полагаем, что для познания смысла исследуемого явления необходимо рассмотреть общее значение провокации, приводимое в толковых словарях и энциклопедиях.

Рассмотрим понятие «провокация», представленное в Толковом словаре С. И. Ожегова в трех значениях: во-первых, «как предательское поведение, подстрекательство кого-нибудь к совершению действий, способных повлечь за собой неблагоприятные для него результаты»; во-вторых, «как враждебные действия с целью разжигания военного конфликта»; и в-третьих, как «искусственное возбуждение каких-нибудь признаков болезни»¹.

В определении провокации как предательского поведения, подстрекательства к действиям, которые могут повлечь для провоцируемого негативные последствия, в оценке действий провоцирующего лица усматривается отрицательный аспект. Учитывая такое понимание, можно прийти к выводу, что провокатор и провоцируемое лицо не являются единомышленниками и преследуют кардинально разные цели. Данное понимание достаточно ценно с правовой точки зрения, поскольку исключает возможность рассматривать данных лиц как соучастников преступления.

Аналогичную трактовку этого понятия можно встретить и в Большой советской энциклопедии: провокация (от лат. *provocatio* — вызов) рассматривается как «подстрекательство, побуждение отдельных лиц, групп, организаций к действиям, которые повлекут за собой тяжелые, иногда гибельные последствия», а также как «предательские действия, совершаемые частными

агентами полиции и реакционных партий (провокаторами), направленные на разоблачение, дискредитацию и в конечном счете на разгром прогрессивных, революционных организаций»².

Возникновение правового термина «провокация» берет свое начало в римском праве. Под «правом провокации» (*provocatio ad populum*) понимается гарантия, древнейшее право римского гражданина, каждого осужденного к смертной казни либо иному телесному наказанию лица обратиться с апелляцией к собранию народа. Сущность провокации состояла в повторном рассмотрении уголовного дела народным собранием с вынесением нового приговора. Стоит отметить, что применение «права провокации» было допустимо только в рамках уголовного процесса, а в гражданских делах такой вид провокации не применялся.

В римском гражданском процессе также существовала провокация (*provocatio ad agendum*), под которой понималось понуждение истца к подаче иска вопреки общему правилу, в результате чего предъявление либо непредъявление иска и сам срок его предъявления предоставлялись на усмотрение истца³.

На данный момент общая правовая концепция понимания провокации отсутствует. Вместе с тем уголовное право нуждается в выработке единого комплексного подхода к пониманию провокации, в связи с чем необходимо рассматривать данное правовое явление в различных аспектах.

Институт провокации преступления известен российскому уголовному праву и имеет глубокие исторические корни. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в гл. VI «О мздоимстве и лихоимстве» содержится статья 412, диспозицией которой предусмотрены случаи склонения состоящего на службе лица к совершению им действия, которое противоречит справедливости, закону и долгу службы⁴. Анализ вышеуказанного правового акта показал, что за данное преступление

¹ Толковый словарь С. И. Ожегова онлайн // URL: <https://slovarozhegova.ru/wjrd.php?wordid=24336>.

² Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 1059.

³ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1890–1907.

предусматривались более строгие санкции, чем за взяточничество. Это связано со стремлением государства защитить государственных служащих от провокационных действий.

Так, согласно вышеназванному уголовному закону за покушение на обольщение должностных лиц правительства к уголовной ответственности привлекались лица, предложением взяток, иными обещаниями, угрозами стремившиеся побудить должностное лицо к уклонению от справедливости и долга службы и, невзирая на его отвращение от этого, возобновлять такие предложения или обещания⁵.

Сравнивая вышеуказанное понятие провокации с ее современной интерпретацией, можно отметить отсутствие цели провокации как обязательного составообразующего признака субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ⁶, — намеренного создания доказательств совершенного преступления или шантажа.

Место провокации преступления в структуре уголовного закона также различается. Провокация ни Уложением, ни иными последующими уголовно-правовыми актами не относилась к группе преступлений, направленных против интересов правосудия. Однако диспозиция данной правовой нормы, а также ее местонахождение в структуре уголовного закона позволяют считать, что провокацией причиняется вред интересам государственной службы. Провокация побуждает чиновников уклониться от долга служба, в связи с чем является коррупционным преступлением.

Вместе с тем формулировка «уклонение от справедливости», изложенная в диспозиции ст. 412 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., может свидетельствовать о причинении вреда путем провокации правосудию, в основу которого положен принцип справедливости.

За намеренное создание условий и обстановки, способствовавших бы предложению должностному лицу взятки, то есть за провокацию взятки, ст. 115 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.⁷ установлена уголовная ответственность. Составообразующим признаком рассматриваемого состава преступления выступала цель в виде последующего изобличения лица, дающего взятку.

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. объективная сторона анализируемого состава преступления, помимо провокации дачи взятки, включала также и провокацию получения взятки (ст. 119).

Исторический анализ уголовного законодательства показывает, что понимание провокационных действий в УК РСФСР 1922 г. и Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. существенно различалось. Таким образом, с точки зрения советского законодателя при совершении провокатором преступления особое значение имеет его цель как конструктивный признак субъективной стороны, выраженная в изобличении спровоцированного лица, а также в применении к нему негативных уголовно-правовых последствий в связи с содеянным.

Такое понятие провокации наиболее соответствует природе провокационных действий, совершающихся латентно от провоцируемого, не осведомленного о реальных замыслах провокатора. Диспозиция правовой нормы, изложенная в диспозиции Уложения, в наибольшей степени отражает институт соучастия как деятельность подстрекателя, стремящегося склонить лицо к совершению преступления.

Современный УК РФ внес значительные изменения, касающиеся ответственности за провокацию. Статья 304 УК РФ, устанавливающая ответственность за провокацию взятки, коммерческого подкупа или подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, в

⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 1845 г. Гл. VI: О мздоимстве и лихоимстве. Ч. 4, 5. Ст. 412 // URL: <http://музейреформ.рф/node/13654>.

⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 1845 г. Гл. VI. Ч. 4, 5. Ст. 412.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁷ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР (вместе с Уголовным кодексом РСФСР)» // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

структуре Особенной части УК РФ располагается в гл. 31, посвященной преступлениям против правосудия.

В 90-х гг. минувшего века осуществлялась судебная реформа, основными целями и задачей которой выступало утверждение независимой и самостоятельной судебной власти. Данная концепция и способствовала расположению нормы о провокации в главе УК РФ, охраняющей интересы правосудия.

Справедливость и объективность судебного разбирательства — ключевые принципы судебной деятельности. В связи с этим в целях обеспечения подлинности материалов предварительного расследования необходимы организация и осуществление судебного контроля. Полученные с нарушением законодательства материалы не должны иметь доказательственную силу и, следовательно, не могут быть взяты за основу обвинения⁸.

Таким образом, в связи с принятием УК РФ правовая оценка провокационной деятельности изменилась. В ранее действовавшем уголовном законе норма о провокационной деятельности охраняла общественные отношения в сфере государственной службы. Вместе с тем в настоящее время общественные отношения в сфере правосудия являются объектом преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ.

Кроме того, в диспозиции вышеуказанной уголовно-правовой нормы составообразующим признаком субъективной стороны рассматриваемого состава является цель провокационных действий, а именно — намеренное создание доказательств совершенного преступления или шантаж.

Весьма интересно понимание сущности провокации преступления в других государствах, поскольку анализ зарубежного законодательства позволит всесторонне изучить правовую природу института провокации в российском уголовном праве.

Уголовно-правовая система Соединенных Штатов Америки, отличительной чертой которой является правовой дуализм, помимо федеральных законов содержит и уголовные кодексы отдельных штатов. В связи с этим ответственность за совершенные провокационные действия дифференцируется в зависимости от места совершения таких действий, то есть от законодательства конкретного штата. Американское уголовное законодательство не содержит единого понятия провокации, однако в Примерный уголовный кодекс США все же включено данное понятие. В нем провокация описана следующим образом: «Публичное лицо, осуществляющее исполнение закона, а также лицо, действующее в сотрудничестве с таким лицом, совершает провокацию, а именно побуждает или поощряет другое лицо к поведению, составляющему это посягательство, путем применения методов убеждения или побуждения, создающих существенный риск совершения посягательства иными лицами, кроме тех, кто готов его совершить, в целях получения доказательственной базы совершения посягательства»⁹. В связи с отсутствием единого уголовного закона на территории государства Примерный уголовный кодекс США рекомендует штатам криминализовать провокационную деятельность в своих уголовных кодексах в случае отсутствия в них подобной нормы.

Отметим штат Нью-Йорк, в Уголовном кодексе которого закреплена уголовная ответственность за провокацию (§ 40.05)¹⁰. Под «вовлечением в ловушку» понимается «совершение обвиняемым преступного деяния в результате побуждения или подстрекательства к нему со стороны публичного служащего либо лица, действующего совместно с ним, для получения доказательств против обвиняемого с целью его уголовного преследования». Основным моментом при квалификации деяния как «вовлечение в ловушку» является условие того, что побуж-

⁸ Дударенко В. В., Незнамова З. А. Исторический анализ нормативного регулирования провокации преступления: от прошлого к будущему // Российский юридический журнал. 2018. № 4. С. 69.

⁹ Примерный уголовный кодекс США. Официальный проект Института американского права / под ред. Б. С. Никифорова. М., 1969. С. 167.

¹⁰ URL: <https://constitutions.ru/?p=8102>.

дение или подстрекательство должны совершаться в активной форме. В других случаях это деяние не является «вовлечением в ловушку», а рассматривается как только возможность совершить посягательство¹¹.

По испанскому уголовному законодательству возбуждение у лица намерения для совершения преступления перед большим скоплением людей или с помощью печати, радио, а также иного похожего способа распространения информации является провокацией. Кроме того, уголовную ответственность за подстрекательство провокатор будет нести только в случае совершения преступления провоцируемым лицом в результате данной провокации (ст. 18 Уголовного кодекса Испании¹²). Таким образом, суть провокации в испанском уголовном праве заключается в открытом подстрекательстве к совершению преступного деяния, что значительно отличается от понимания провокации в нашей стране.

Во французском уголовном праве норму о провокации можно встретить в институте соучастия. Уголовный кодекс Франции¹³ говорит о двух способах выражения подстрекательства: провокации и даче указаний (абз. 2 ст. 121-7). Однако для того чтобы квалифицировать провокацию как подстрекательство, французский уголовный закон требует соблюдения некоторых условий. Такими условиями, согласно вышеназванной статье, выступают установленные законом способы и предметы, предоставленные для совершения преступления. Непосредственное совершение действий в отношении исполнителя, а также возбуждение у последнего желания совершить преступление и совершение впоследствии конкретного преступления — ключ-

евой фактор отнесения провокации к подстрекательству. Таким образом, дифференциация уголовной ответственности во французском уголовном праве осуществляется с учетом достигнутых результатов провокационной деятельности, а также стадии окончания провокации¹⁴.

В уголовном законодательстве некоторых государств постсоветского пространства установлена ответственность за провокацию преступления. Несмотря на то что в целом в этих государствах взгляд на сущность и природу провокации достаточно сходен, тем не менее можно выделить ряд различий.

Уголовная ответственность за провокацию взятки закреплена в разд. 17, посвященном преступлениям в области служебной деятельности, Уголовного кодекса Украины¹⁵. Так, законодатель понимает провокацию как «намеренное создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение или получение взятки с целью последующего изобличения давшего или получившего взятку» (ст. 370). Необходимо обратить внимание, что украинским уголовным законом предусмотрен квалифицированный состав провокации подкупа в случае его совершения должностным лицом правоохранительных органов.

Аналогично российскому уголовному праву в уголовном законодательстве Республики Беларусь термин «провокация» вовсе не употребляется. Вместе с тем Уголовный кодекс Республики Беларусь содержит запрет на «инсценировку получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа». Как «инсценировку» Уголовный кодекс Республики Беларусь¹⁶ определяет «передачу должностному лицу, работнику государственного органа

¹¹ Козочкин И. Д. Уголовное право США. М., 1986. С. 95.

¹² URL: <https://www.boe.es/eli/es/lo/1995/11/23/10/con>.

¹³ URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/.

¹⁴ Аюсинов А. Е. Особенности регламентации уголовной ответственности за провокацию преступления по зарубежному законодательству // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6 (107). С. 152.

¹⁵ Уголовный кодекс Украины от 05.04.2001 № 2341-III // URL: <https://meget.kiev.ua/ugolovniy-kodeks/razdel-1-17/>.

¹⁶ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З (с изм. и доп. по сост. на 11.11.2019) // URL: https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb/396.htm.

или иной государственной организации, не являющемуся должностным лицом, или работнику индивидуального предпринимателя или юридического лица денег, ценных бумаг, иного имущества или оказание услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа». Данная правовая норма закреплена в ст. 396 главы 34 «Преступления против правосудия» Уголовного кодекса Республики Беларусь и охраняет отношения в сфере правосудия, что способствует соблюдению закрепленных процессуальным законом требований при получении доказательств в рамках осуществления судопроизводства.

В Республике Казахстан установлена ответственность за провокацию взятки или коммерческого подкупа¹⁷. Вместе с тем необходимо отметить, что в ранее действующем уголовном законе Республики Казахстан долгое время существовала общая норма о провокации преступления. Однако в настоящее время казахстанский законодатель отказался от криминализации провокации любого преступления аналогично российскому уголовному закону, сохранив только провокацию коммерческого подкупа или взятки.

Отметим, что в законодательстве Грузии по настоящее время установлена уголовная ответственность за осуществление провокационных действий в отношении любого преступления. Так, в соответствии со ст. 145 Уголовного кодекса Грузии¹⁸ провокация преступления определяется как «склонение кого-либо к совершению преступления с целью его привлечения к ответственности». Рассматриваемая норма содержится в гл. XXXIII Уголовного кодекса Грузии «Преступления против прав и свобод человека», что отражает специфику объекта уголовно-правовой охраны, отличную от российского понимания.

Понимание правовой природы провокации в Соединенных Штатах Америки тождественно пониманию провокации в российском уголовном праве исходя из определения цели и сущности провокации, поскольку выражено в фальсификации доказательств. Обратим внимание и на то, что страны бывшего Советского Союза, несмотря на долгое существование в едином правовом пространстве с Россией, в сущность провокации в национальном уголовном законе вкладывают несколько иной правовой смысл. Кроме того, во многих государствах сущность провокации, как уже отмечалось, сводится к институту соучастия.

Необходимо отметить, что понятие «провокация» не освещено и в международном конвенционном праве. Однако международное понимание провокации берет свое начало в практике Европейского Суда по правам человека. Впервые международное понимание «провокации преступления» нашло свое отражение в решении ЕСПЧ от 15.12.2005 по делу «Ваньян против Российской Федерации»¹⁹. В связи с неоднократным нарушением Россией прав на справедливое судебное разбирательство рассмотрению ЕСПЧ подлежало большое число обращений граждан нашего государства.

С учетом богатой международной судебной практики у ЕСПЧ сложилось представление о провокации преступления, в основу которого положены ключевые характеристики, с помощью которых стало возможным отличать оперативные мероприятия сотрудников правоохранительных органов от провокационных действий. Таким образом, при определении международным судебным органом учитываются два критерия, содержательный и процессуальный. По содержательному критерию разграничение провокационных действий от допустимых оперативных мероприятий подразумевает судебное решение вопроса о возможности совершения

¹⁷ Аюсинов А. Е. Указ. соч. С. 152.

¹⁸ Уголовный кодекс Грузии от 22.07.1999 № 2287 // URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/16426?publication=230>.

¹⁹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 15.12.2005. Дело Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации (жалоба № 53203/99) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 7. П. 71.

рассматриваемого преступления без вмешательства со стороны органов власти²⁰. Исследование порядка рассмотрения национальным судом заявления лица о провокации — процессуальный критерий. ЕСПЧ обращает внимание на процессуальную возможность заявителя в ходе судебного разбирательства ходатайствовать о совершенной в отношении него провокации. Это не только подразумевает под собой возможность лица сделать заявление об осуществлении в отношении него провокации, но и указывает на недозволительность органам государственной власти чинить препятствия при защите лица, ходатайствовавшего перед судом, основываясь на формальном решении о неоспоримости определенных доказательств для защиты интересов государства²¹.

Понятия «провокация», «давление», «подстрекательство», исходя из практики международного судебного органа в отношении провокации, воспринимаются как синонимичные. В этой связи заслуживает внимания тот факт, что позиция ЕСПЧ, отождествляющая подстрекательство и провокацию, была учтена при внесении изменений в Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Так, частью 8 ст. 5 этого Закона предусмотрен запрет для лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий — осуществлять провокационную деятельность. Однако в результате включения разработанных международным судом определений в качестве поправок в национальное право произошло отождествление

в уголовном праве провокации преступления и института соучастия, что способствовало возникновению широкой дискуссии в научном сообществе²².

Таким образом, полагаем, что современное уголовное право нуждается в дальнейшем развитии института провокации преступления. Опираясь на позицию ЕСПЧ, историческую доктрину, а также зарубежный опыт в части вопроса о провокации преступления, необходимо сформировать понятие рассматриваемого института, наиболее полно отражающее его юридическую природу. Вместе с тем, учитывая немалое количество жалоб, направляемых в международный судебный орган по вопросам совершаемых провокаций со стороны работников правоохранительной системы, в детальной проработке нуждается вопрос о законодательных пределах оперативно-розыскных мероприятий, а также механизмах защиты лица, в отношении которого была совершена провокация.

Учитывая зарубежный и отечественный исторический опыт по вопросу сущности института провокации, а также доктринальную базу по анализируемой проблеме и практику ЕСПЧ, можно выработать определение провокации, наиболее полно отражающее ее правовую природу. Так, под провокацией преступления нами предлагается понимать умышленное одностороннее действие лица, нацеленное на формирование предпосылок и условий для совершения уголовно наказуемого деяния без согласия провоцируемого в целях его последующего изобличения в совершенном им преступлении либо наступления для него неблагоприятных уголовно-правовых последствий.

²⁰ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 4. Спец. выпуск : Российская хроника Европейского Суда. С. 82–96.

²¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 04.11.2010. Дело Банникова против России (жалоба № 18757/06). П. 61 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12086429/>.

²² Забелов А. Ю. Юридическая природа провокации преступления // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 80.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аюсинов А. Е. Особенности регламентации уголовной ответственности за провокацию преступления по зарубежному законодательству // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2015. — № 6 (107). — С. 148–153.
2. Дударенко. В. В., Незнамова З. А. Исторический анализ нормативного регулирования провокации преступления: от прошлого к будущему // Российский юридический журнал. — 2018. — № 4. — С. 67–72.
3. Забелов А. Ю. Юридическая природа провокации преступления // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. — 2016. — № 4. — С. 78–82.
4. Козочкин И. Д. Уголовное право США: учебное пособие для вузов. — М. : Юрайт, 2020. — 218 с.
5. Примерный уголовный кодекс США: Официальный проект Института американского права : пер. с англ. / под ред. Б. С. Никифорова. — М., 1969. — 303 с.
6. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М. : Советская энциклопедия, 1985. — 1600 с.
7. Толковый словарь С. И. Ожегова онлайн // URL: <https://slovarozhegova.ru/wjrd.php?wordid=24336>.
8. Уголовный кодекс Испании : перевод Зыряннова В. П., Шнайдер Л. Г. / под ред. и с предисл. Н. Ф. Кузнецовой, Ф. М. Решетникова. — М. : Зерцало, 1998. — 218 с.
9. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона // URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/100931-Провокация>.

Материал поступил в редакцию 23 октября 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Ayusinov A. E. Osobennosti reglamentacii ugovnoj otvetstvennosti za provokaciyu prestupleniya po zarubezhnomu zakonodatelstvu // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. — 2015. — № 1 (107). — S. 148–153.
2. Dudarenko. V. V., Neznamova Z. A. Istoricheskij analiz normativnogo regulirovaniya provokacii prestupleniya: ot proshlogo k budushchemu // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. — 2018. — № 4. — S. 67–72.
3. Zabelov A. Yu. Yuridicheskaya priroda provokacii prestupleniya // Vestnik Dalnevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2016. — № 4. — S. 78–82.
4. Kozochkin I. D. Ugolovnoe pravo SShA: uchebnoe posobie dlya vuzov. — M. : Yurajt, 2020. — 218 s.
5. Primernyj ugovnnyj kodeks SShA: Oficialnyj proekt Instituta amerikanskogo prava : per. s angl. / pod red. B. S. Nikiforova. — M., 1969. — 303 s.
6. Sovetskij enciklopedicheskij slovar / gl. red. A. M. Prohorov. — 3-e izd. — M. : Sovetskaya enciklopediya, 1985. — 1600 s.
7. Tolkovyy slovar S. I. Ozhegova onlajn // URL: <https://slovarozhegova.ru/wjrd.php?wordid=24336>.
8. Ugolovnyj kodeks Ispanii : perevod Zyryanova V. P., Shnajder L. G. / pod red. i s predisl. N. F. Kuznecovoj, F. M. Reshetnikova. — M. : Zercalo, 1998. — 218 s.
9. Enciklopedicheskij slovar F. A. Brokgauza i I. A. Efrona // URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/100931-Провокация>.